

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9

*Т.Г. Бохан, Д.Ю. Баланев, В.В. Мацута, Н.Н. Щёткина, И.А. Таскина, А.С. Фрокол***ЛИЧНОСТНАЯ ГОТОВНОСТЬ К ИННОВАЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ МОЛОДЕЖИ
НАРОДОВ СИБИРИ***Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-18007е).*

Представлены данные о личностной готовности к инновационному поведению молодежи народов Сибири, поднята проблема этнокультурных детерминант жизнестойкости и готовности к изменениям как определяющих компонентов инновационного потенциала личности, выявлены этнокультурные ресурсы и дефициты в становлении инновационного потенциала молодежи народов Сибири.

Ключевые слова: инновационное поведение; личностная готовность; жизнестойкость; готовность к изменениям; молодежь; народы Сибири; этнокультурные детерминанты; личностные дефициты.

Успешная реализация инновационной стратегии в России во многом зависит от людей, которые активно выходят на новые способы деятельности и создают инновационные продукты. Народы Сибири, представляя, наряду с другими национальностями, поликультурное пространство России, вносят свой вклад в развитие страны. Исследователями приводятся данные, свидетельствующие о сложности и противоречивости места и роли коренных народов в рыночной экономике: ограниченность инициативных людей и высокая инертность местного населения, бедность основной массы населения и доминирование меркантильных интересов, оторванность традиционных отраслей от современных психологических процессов, рост групп населения среди коренного населения, утративших интерес к труду, подвергшихся алкоголизации, ухудшение большинства характеристик условий и качества жизни в районах проживания коренных народов [1–6].

На сегодняшний день в России, как и во всем мире, остро стоит проблема сохранения малых народов, что чрезвычайно актуализирует поиск и нахождение реальных механизмов, политических, экономических, социально-психологических, позволяющих решить эту проблему. Так, например, одной из существенных функций психологов в США считается защита этнических меньшинств. В этом плане, как отмечают А.Д. Карнышев и М.А. Винокуров [2], значимыми становятся экономическо-психологические факторы в сочетании с влиянием на самосознание народов с тем, чтобы максимально были подключены к реализации задач механизмы самосохранения этносов. Обоснование механизмов самосохранения этносов в психолого-экономическом плане предполагает, по их мнению, не только опору на «традиционные» положения, но и поиск «мостиков», которые ведут от традиций к инновациям [2]. Учитывая, что экономико-психологическое самосохранение народов Сибири зависит от активной части населения, возникает исследовательский интерес к изучению личностного ресурса молодежи народов Сибири, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве этнокультурного основания для инициации инновационного поведения. Таким образом, ставится задача изучения потенциала личности, указывающего на личностную готовность к инновационному поведению у молодежи народов Сибири.

Постановка такой исследовательской задачи соответствует современным тенденциям развития науки, требующим обращения к культурно-историческим исследованиям, к изучению особенностей и условий развития личности в определенной культуре, этнической и исторической (Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, М.А. Гусельцева, А.В. Сухарев, А.Ш. Тхостов и др.). Проникновение в сущность процесса трансформации культуры в мир личности позволяет ставить вопросы о том, какая культура преобразуется в жизненный мир человека, что конкретно она привносит в него в плане устойчивости и подвижности этого мира, какие традиционные средства обогащают личностный потенциал человека, реализующийся в новых культурно-исторических условиях жизнедеятельности человека и общества.

Культурно-историческая основа изучения данной проблемы отражается в обращении психологической науки к феномену «инновационности». Психологи, отвечая на социально-экономические задачи общества, в последние годы приступили к активному исследованию «инновационности», «инновативности», «инновационного потенциала личности», «инновационно важных качеств», «инновационного поведения» и т.п. Инновации (нововведения), с точки зрения П.Г. Щедровицкого [7], – это то, что в большом масштабе жизнедеятельности человека изменяет принятые способы думать и делать. Рассмотрение инновационного поведения с позиции методологических идей системной антропологии позволило считать его такой формой активности человека, которая осуществляется путем его выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и иницируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, а возникает инициативно в тех точках жизненного пространства человека, где сходятся между собой три фактора: 1) возможности человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным потенциалом; 2) среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация; 3) готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь» [8].

Таким образом, инициация инновационной деятельности предполагает саморазвитие человека за пределы «требований ситуации», порождение человеком собственных норм («нормотворчество») [8]. Инициация (порождение) инновационного поведения обуславливается, с точки зрения В.Е. Клочко, инновативностью человека, которая представляет собой интегральную характеристику человека, включающую в себя две основные составляющие: инновационный потенциал человека и мотивационную готовность к инновационной деятельности. Инновационный потенциал человека рассматривается как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения. Этот ресурс состоит из трех основных блоков, иерархически связанных между собой: личностные качества, компетенции, витальность. В системе личностных качеств, указывающих на инновационный потенциал человека, наиболее определяющим является готовность к изменениям. К основной характеристике витальности С.А. Богомаз и Д.Ю. Баланев [9] относят жизнестойкость. Именно эти личностные качества позволяют появиться и реализовываться тем компетенциям, которые выводят человека на инновационное поведение. Таким образом, готовность к изменениям и жизнестойкость можно рассматривать как системообразующие компоненты инновационного потенциала личности.

Понятие жизнестойкости (*hardiness*), сформулированное в работах американского психолога Сальваторе Мадди [10], являлось операционализацией понятия «отвага быть», которое ввел экзистенциальный философ П. Тиллих. Эта экзистенциальная отвага предполагает готовность человека «действовать вопреки» – вопреки онтологической тревоге, тревоге потери смысла, вопреки ощущению «заброшенности». Жизнестойкость в этом процессе является необходимым ресурсом, на который человек может опереться при выборе будущего с его неизвестностью и тревогой, обеспечивающего получение нового опыта и создающего определенный потенциал и перспективу для личностного развития. Жизнестойкость как личностный конструкт включает в себя три относительно автономных компонента: «вовлеченность», «контроль» и «принятие риска», а также такие базовые ценности, как кооперация (*cooperation*), доверие (*credibility*), креативность (*creativity*). В работах различных исследователей показано, что жизнестойкость связана с успешностью человека в разных сферах деятельности [9, 11, 12]. Учитывая все известные в литературе факты о жизнестойкости, представляется вполне закономерным, что Д.А. Леонтьев включает ее в структуру личностного потенциала, а С.А. Богомаз и Д.Ю. Баланев предлагают рассматривать ее в качестве компонента инновационного потенциала человека.

Что касается такой личностной характеристики, как готовность к изменениям, то она рассматривалась и терминологически оформлялась в соответствии с определенным методологическим подходом: «толерантность к неопределенности» (Д. Маклейн), психическая гибкость (Г.В. Залевский), гибкость, креативность (И. Торренс, В.И. Кабрин), самоорганизация открытой системы (В.Е. Клочко). Д. Маклейн описывает толерантность к неопределенности как разброс реакций, от

отвержения до привлекательности, при восприятии неизвестных, сложных, динамически неопределенных или имеющих противоречивые интерпретации стимулов [5]. С. Баднер [13] рассматривает толерантность к неопределенности как тенденцию к восприятию неопределенных ситуаций в качестве желаемых в противоположность тенденции к восприятию таких ситуаций, как источников угрозы. Для народов Сибири, оказавшихся в ситуации изменения традиционных ценностей, традиционно образа жизни, такая готовность позволяет более гибко относиться к традиционному и инновационному, трансформировать традиционный этнокультурный потенциал в соответствии с задачами инновационного развития без потери этнокультурной самобытности, что, на наш взгляд, является определяющим условием самосохранения коренных народов Сибири [1–3].

Таким образом, изучение жизнестойкости и готовности к изменениям позволит получить новые научные данные о личностной готовности молодежи народов Сибири к инновационному поведению, а также определить этнокультурные детерминанты жизнестойкости и готовности к изменениям. Для решения этих задач были использованы: опросник «Оценка жизнестойкости» С. Мадди, который, как показывал его автор, в достаточной степени инвариантен к этнической составляющей; шкала «Толерантности к неопределенности», впервые предложенная Д. Маклейном для оценки отношения человека к изменяющимся ситуациям; методика диагностики типов этнической идентичности, разработанная Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой; опросник конструктивности мышления, предложенный С. Эпштейном; опросник терминальных ценностей И.Г. Сенина; опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф. Кроме того, в качестве целевого средства, непосредственно направленного на выявление жизнестойкости с точки зрения ценностей, личностных качеств, способов овладения своим поведением, опирающихся на этническое своеобразие, был использован специально сконструированный опросник открытого типа, который содержал как прямые, так и косвенные вопросы, касающиеся этнокультурной обусловленности основных компонентов жизнестойкости. Полученные данные обрабатывались методом контент-анализа. Выявлялись средние значения, оценка их дисперсии при помощи критерия среднего квадратичного отклонения, для выявления различий между группами испытуемых применялся тест плановых сравнений (*LSD*). Оценка наиболее информативных факторов, которые могут выступать в качестве детерминантов жизнестойкости, проводилась при помощи процедуры факторного анализа.

В исследовании приняли участие 250 представителей молодежи народов Сибири: алтайцы, буряты, хакасы, тувинцы (студенты вузов г. Горно-Алтайска (Республика Алтай), г. Абакана (Республика Хакасия), г. Улан-Уде (Республика Бурятия), г. Кызыл (Республика Тыва)) в возрасте от 16 лет до 21 года. Основной причиной такого выбора стал тот факт, что использование ряда психодиагностических средств предполагает определенный уровень развития основных познавательных функций и знакомства респондентов с русским языком, который был выбран как основной язык проведения исследования.

В исследовании, проведенном нами в 2009 г. на группе инновационно- и предпринимательно-ориентированных лиц (1 063 человека), было показано, что люди с высокими баллами по тесту (более 128 баллов) с интересом принимают неопределённые ситуации, рассматривая их как возможности чему-то научиться. Они стремятся получать новый опыт и не склонны бояться трудностей, которые могут быть с этим связаны. В общей выборке представителей молодежи народов Сибири таких испытуемых не оказалось. Во всех национальных группах среднее значение шкалы «Общий показатель жизнестойкости» ниже показателя нижнего квартиля. Оценка всей выборки в целом (алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты) по шкале «Общий показатель» опросника жизнестойкости, с точки зрения критерия нормы, показывает, что ему соответствует 14% от общего объема испытуемых. Также средние значения шкал «Вовлеченность», «Контроль», «Риск» во всех национальных группах ниже показателей нижнего квартиля нормы. Лишь в группе хакасов встречаются отдельные респонденты с нормативными показателями шкалы «Вовлеченность».

У отдельных представителей национальных групп алтайцев, хакасов, бурят выявлены показатели шкалы «Контроль» в пределах низкой нормы. Что касается шкалы «Риск», только в группе хакасов и бурят есть респонденты с показателями в пределах низкой нормы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у представителей молодежи народов Сибири компоненты жизнестойкости не достаточно выражены.

Анализ данных о показателях толерантности к неопределенности у представителей национальных групп позволил отметить, что в целом данные по национальным группам оказываются сопоставимы между собой, за исключением группы бурят, где оценки несколько выше, по сравнению с остальными испытуемыми. Значения с величиной шкалы «Толерантность к неопределенности» менее 101 баллов набрали 169 из 205 человек (82,5%).

Эти респонденты относятся к неопределённым ситуациям скорее настороженно, рассматривают их как потенциально угрожающие, склонны предпочитать привычные ситуации новым. Их тревожит необходимость решать проблемы, которые не имеют готовых способов решения. Остальные испытуемые (36 из 205 человек – 17,5%) занимают промежуточное положение и в данном контексте могут быть оценены скорее как наиболее перспективные при самореализации в инновационной деятельности в ситуации обеспечения специальной психологической поддержки. Данные результаты свидетельствуют о невысоком уровне личностной готовности испытуемых к вхождению в инновационную деятельность.

С целью выявления дефицитов и детерминант инновационного потенциала личности нами был использован факторный анализ всей совокупности полученных в психодиагностическом исследовании данных, необходимых для решения задач исследования. В результате факторного анализа определился второй фактор, который объединяет показатели шкал: «общий показатель» (0,90), «вовлеченность» (0,74), «контроль» (0,82), «риск» (0,76) опросника жизнестойкости; толерантности к неопределенности (0,53), «категорическое мышление» (-0,42) и «лично-суеверное мышление» (-0,41), которые вошли в данный конструкт с отрицательным знаком, «эмоцио-

нальное совладание» (0,66), «общая шкала конструктивности мышления» (0,63) опросника конструктивного мышления; «самопринятие» (0,42) и «управление средой» (0,52) опросника «Шкалы психологического благополучия». На основании этих данных можно предположить, что инновационный потенциал личности, проявляющийся в высоких показателях жизнестойкости и готовности к изменениям, может быть обусловлен у представителей молодежи народов Сибири:

- конструктивностью мышления: способность дивергентно мыслить, гибкость мышления, позитивное мышление; стремление контролировать ситуацию, когда это возможно и разумно, в то же время готовность функционировать и в неконтролируемой ими обстановке, в ситуации неопределенности; адекватное и независимое от суеверий мышление, ориентация на достижение успеха, высокая готовность справляться конструктивно с трудными ситуациями без развития стресса, быть спокойными и уравновешенными в трудных ситуациях;

- позитивным самоотношением: признание и принятие всего собственного личностного многообразия, включающего свои как хорошие, так и плохие качества; позитивная оценка своего прошлого;

- эффективным управлением средой: уверенность и компетентность в управлении в повседневными делами, способность эффективно использовать различные жизненные обстоятельства, умение самому выбирать и создавать условия, удовлетворяющие личностным потребностям и ценностям; принятие других.

Психологическими факторами, затрудняющими формирование инновационного потенциала личности у представителей молодежи народов Сибири, могут являться:

- неконструктивность мышления: максимализм, категоричность и ригидность мышления; непринятие нового, не вписывающегося в привычные стереотипы; низкая стрессоустойчивость вследствие склонности к застреванию на прошлом опыте, фиксации на отрицательных эмоциях; склонность к суевериям, ориентация на избегание неудач;

- конфликтность самоотношения: недовольство самим собой, обеспокоенность некоторыми чертами собственной личности, непринятие себя, желание быть другим, не таким, каков есть на самом деле, разочарование в собственном прошлом;

- трудности управления средой: неспособность справляться с повседневными делами, ощущение невозможности изменить или улучшить условия своей жизни, чувство бессилия в управлении окружающим миром.

Роль традиционной культуры в формировании характеристик жизнестойкости изучалась на основе качественного анализа высказываний респондентов, относящихся к их знакомству с национальным эпосом и степени влияния этого эпоса на их поведение. Например, первый вопрос «Какие герои национального эпоса Вам известны?» позволяет определить степень знакомства молодых людей коренных сибирских национальностей со своим культурным наследием – тем этнокультурным образованием, в котором с наибольшей силой проявились представления о ценностях и источниках жизненной силы и готовности к преодолению внешних обстоятельств, характерные для данного этноса.

Оказалось, что само понятие «Героический национальный эпос» оказалось заметно размытым в понима-

нии респондентов. Так, было выявлено, что испытуемые предпочитают перечислять названия самих эпосов вместо реальных имен героев. Такой способ обобщенного понимания понятия «герой» как некоторой действующей персоны оказался особенно выражен в группе хакасов, которые дали наиболее длинный и полный перечень названий литературных источников, в которых излагаются национальные предания о героях. Несколько испытуемых упоминают в качестве национального эпоса театральную постановку.

В этом отношении особое положение занимает группа бурят, основным героем которых оказывается Гэсэр (42 упоминания) – герой одноименного эпоса, получившего распространение у всех тюркских народов. Очевидно, что в этом случае не представляется возможным дифференциация представлений о конкретном герое и эпосе в целом в рамках опросника. Однако дополнительная беседа с респондентами позволила определить, что чаще всего речь идет все-таки о конкретном герое. Персонификации здесь способствует тот факт, что как герой эпоса Гэсэр запечатлен в памятнике, установленном в г. Улан-Удэ. Кроме того, в последнее время героико-мистический ореол этого персонажа стал популярен в рамках массовой культуры благодаря популярному циклу романов С.В. Лукьяненко и его экранизациям. Этот момент особенно привлекает внимание, так как оказалось, что элементы массовой культуры наложили заметный отпечаток на понимание национального героя в сознании молодых людей – представителей коренных национальностей Сибири. Но, к сожалению, чаще наблюдается противоположный ход, когда явления массовой культуры замещают в сознании молодых людей категории национального эпоса. Так, можно видеть, что на вопрос о герое национального эпоса молодые люди отвечают широким спектром персонажей, в том числе и заимствованных из русских былин, сказок, западной кинопродукции, реальных людей – героев войны, ученых и писателей.

Наиболее заметно по этому поводу выделяется Н.Ф. Катанов – первый хакасский ученый, образ которого также увековечен в памятнике, который установлен в г. Абакане. Здесь можно отметить то значение, которое имеют усилия, направленные на запечатление национальных героев в предметах современной культуры – независимо от того, были ли они реальными людьми или героями эпоса. Можно отметить и еще одно основание, которое могло стать значимым для запечатления героического образа Н.Ф. Катанова: в 1996 г. в Хакасии были выпущены в оборот суррогатные деньги – банкноты достоинством 5 000 российских рублей, на реверсе которых было помещено изображение Н.Ф. Катанова. В обиходе они получили название «катановки». Эти деньги имели хождение до 1998 г., и решение об их уничтожении было принято только в 2007 г.

В ответах на вопросы о национальном героическом эпосе выявляется тенденция ухода от принятия национальных героев в качестве образца поведения, источника ценностей и личностных характеристик, определяющих поведение молодых людей, принявших участие в исследовании. Таким образом, можно отчасти объяснить показанный ранее факт, заключающийся в принятии героев, не относящихся к традиционной национальной культуре в качестве таковых. Скорее всего,

речь идет о рационализации уже состоявшегося процесса принятия героев, позаимствованных в других культурах – прежде всего русской и западной.

Наиболее значимой в данном случае, выглядит тенденция к отрицанию того, что какой-либо герой является образцом для подражания в настоящее время. Отчасти это объясняется повышением самостоятельности молодых людей, отчасти – потерей ценностных ориентиров в тех противоречивых житейских ситуациях, с которыми вынужден сталкиваться молодой человек, проживающий в периферийных регионах, наиболее страдающих от экономического кризиса.

Наиболее часто отмечаемыми качествами героев, обеспечивающими им успех, являются, по мнению молодежи, совокупность «героических» характеристик («сила», «смелость», «храбрость», «мужество»), а также такое социальное качество, как «доброта», интеллектуальное – «ум», нравственное – «честность», деятельностное – «трудолюбие».

Сравнивая с качествами, которые респонденты хотели бы развить у себя, можно отметить, что «героические» качества (сила, храбрость, мужество) для данных представителей молодежи остались не востребованными; среди таких качеств чаще встречаются «ум», «смелость», «трудолюбие» и «терпение». К качествам, которыми они располагают, представители национальных групп отнесли «доброту», «трудолюбие», «честность», «ответственность». Как видно из этих примеров, ценность таких качеств, как «доброта», «ум», «трудолюбие», «честность» со временем не потеряла своего значения в сознании молодежи народов Сибири. В то же время для молодежи становятся необходимыми такие качества, как ответственность и терпение.

Среди качеств, способствующих успехам «героев эпоса», не указанных в двух других высказываниях (в отношении своих качеств), – альтруистические по отношению к окружающим (любовь, великодушие, бескорыстие, щедрость, почитание, помощь людям в трудную минуту), коммуникативные (бескомпромиссность, дипломатичность), нравственно-гражданские (патриотизм, вера, честь, стремление), способности (смекалка, находчивость, талант, знание), реальные поступки.

К желаемым для респондентов качествам, которые не встречаются в высказываниях о качествах «героев эпоса», относятся: качества, необходимые для успешной самореализации (сила воли, внимательность, усидчивость, физические качества, дисциплина, желание учиться, дальновидность, интеллект, подготовленность, пунктуальность, работоспособность, интуиция, серьезность, творческие способности, усердие, жизнестойкость, оптимизм, умение анализировать жизненные ситуации), качества, гарантирующие эффективную коммуникацию (общительность, коммуникабельность, понимание, тактичность, юмор, доверчивость, сдержанность, чувство меры).

К качествам, характерным для самих респондентов и не указанным в двух других высказываниях, относятся: качества-состояния (веселость, вспыльчивость, агрессивность, нервозность, нетерпение, одиночество, уравновешенность, жизнелюбие), качества, характеризующие отношение к другим (уважение, добродушие, верность, дружелюбие, вежливость, независимость, сердечность, толерантность, эмпатийность, желание помочь слабым,

любопытность, злопамятность, конформность, равнодушие, наивность, нерешительность, качества собственной активности (лень, молчаливость, ненадежность, непостоянность, скромность, хвастливость, активность, аккуратность, исполнительность, обязательность, постоянство, правдолюбие, простота, старательность, усердность, правильный образ жизни), эгоцентрические качества (самоуверенность, эгоизм, жесткий характер).

Сравнивая категории качеств в высказываниях респондентов, можно отметить их этнокультурную динамику: категории качеств, которые способствовали успехам героев национального эпоса, не являются для молодежи значимыми; более необходимые для них те, которые способствуют их успешной самореализации и умению выстраивать эффективную коммуникацию. Такая динамика отражает трансформацию ценностей у народов Сибири, когда значимыми становятся эгоцентрические ценности, проявляющиеся у молодежи в стремлении к самосовершенствованию и саморазвитию, к собственной эффективности в межличностной коммуникации. В то же время в своей реальной действительности респонденты характеризуют себя с позиции наиболее часто проявляющегося состояния, их активности, самоотношения, психологическое содержание которых часто свидетельствует о личностных дефицитах в отношении компонентов жизнестойкости и готовности к изменениям. Так, представители молодежи Сибири испытывают трудности в саморегуляции своих состояний, в овладении с трудными ситуациями, проявляя вспыльчивость, агрессивность, нервозность, нетерпение, переживая одиночество. Их проблемы с окружающими могут быть обусловлены такими качествами, как злопамятность, конформность, равнодушие, наивность, нерешительность. Такие характеристики их активности, как лень, молчаливость, ненадежность, непостоянность, скромность, хвастливость могут являться препятствием для инициативной деятельности. Реализацию собственных идей в команде, коллективе может затруднять самоуверенность в сочетании с эгоизмом и жестким характером.

К психологическим ресурсам, которые можно рассматривать в качестве этнокультурных оснований формирования инновационного потенциала личности, относятся: оптимизм, жизнелюбие; открытость другим людям, характеризующаяся уважением, добродушием, верностью, дружелюбием, вежливостью, сердечностью, постоянством, желанием помочь слабым, а также

новыми для представителей традиционной культуры качествами – толерантностью, эмпатийностью, любопытностью и независимостью; характер собственной активности, проявляющийся в аккуратности, исполнительности, обязательности, старательности, усердности, правильном образе жизни.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о невысоком уровне личностной готовности испытуемых к инновационному поведению.

2. Инновационный потенциал личности, проявляющийся в высоких показателях жизнестойкости и готовности к изменениям у представителей молодежи народов Сибири обусловлен конструктивным мышлением, позитивным самоотношением, эффективным управлением средой.

3. Психологическими факторами, затрудняющими формирование инновационного потенциала личности у представителей молодежи народов Сибири, являются: неконструктивность мышления, конфликтность самоотношения, трудности управления средой.

4. Установлена этнокультурная динамика в значимости качеств, способствующих жизнестойкости, отражающая трансформацию традиционных ценностей.

5. Определены этнокультурные основания формирования инновационного потенциала личности у представителей молодежи народов Сибири. Невозможность трансформации этнокультурных оснований инновационного потенциала личности молодежи в их реальную жизнедеятельность может быть обусловлена неэффективными стратегиями совладания с трудными ситуациями и сохраняющимся стресснапряжением, неэффективными социальными качествами (злопамятность, конформность, равнодушие, наивность, нерешительность, закрытость социальным контактам); низкими показателями активности, проявляющимися в лени, ненадежности, непостоянстве, скромности, хвастливости, а также негибкостью в отношении собственной самооценки и эгоизмом.

6. Учет выявленных дефицитов в инновационном потенциале личности представителей молодежи в развивающей и психокоррекционной работе в условиях образовательной среды вуза будет способствовать формированию личностной готовности молодежи Сибири к инновационному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бохан Т.Г. Стресс и стрессоустойчивость: опыт культурно-исторического исследования. Томск: Иван Федоров, 2008. 276 с.
2. Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М.: Инст-т психол. РАН, 2010. 480 с.
3. Татарко А.Н., Лебедева Н.М., Козлова М.А. Этническая идентичность и ценностные ориентации представителей традиционных культур в условиях модернизации общества // Журнал прикладной психологии. 2004. № 4–5. С. 120–127.
4. Семке В.Я., Бохан Н.А. Транскультуральная аддиктология. Томск: Иван Федоров, 2009.
5. Семке В.Я., Чухрова М.Г., Бохан Н.А., Куприянова И.Е. Психическое здоровье коренного населения Сибири. Новосибирск: Наука, 2009.
6. Трофимов Е.А., Андриянова Е.Л. Региональная этническая занятость коренных народов. Иркутск: БГУЭП, 2007.
7. Щедровицкий П.Г. Инновационный потенциал профессионального сообщества // Сообщение. 2006. № 2. С. 7–11.
8. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск, 2010. 152 с.
9. Богомаз С.А., Баланев Д.Ю. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. Вып. 32. С. 23–28.
10. Мадди С. Смислообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
11. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
12. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.
13. Баднер С. Методика определения толерантности к неопределенности / Под ред. Г.В. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. С. 94–97.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 20 апреля 2011 г.